

А Р Т И С Т Ъ.

(Съ натуры).

Толпа рабочихъ-крючниковъ расположи-
сь у желѣзнодорожной насыпи, въ ожи-
ніи когда имъ подадутъ вагоны для раз-
узки и, лѣнливо перебрасываясь однослож-
ми замѣчаніями, скучала. Лица утомле-
ны, въ поту и грязи, позы вялыя, разго-
ръ не клеится, большинство полудрем-
гъ, забросивъ руки за голову... Издали,
выставки и изъ гостиницъ до нихъ до-
зятся бойкія звуки бравурной музыки,
ухой шумъ голосовъ, шипѣніе струй фон-
на, съ другой стороны отъ нихъ съ гро-
гомъ и пронзительнымъ свистомъ носятъ
взадъ и впередъ паровозы.

— Скучища... замѣчаетъ колоссъ съ ры-
ей бородой въ студенческой фуражкѣ...

— А ты вонъ слушай—музыка, позѣвы-
я совѣтуетъ ему рябой, коренастый то-
ришь.

— Веселятся люди... которые имѣютъ
емя на этотъ предметъ,—сентенціозно го-
рить пожилой мужичекъ съ лысиной и
цомъ суздальскаго типа...

Пауза. Солнце то спрячется въ облако,
снова выглядываетъ и рабочихъ то и
ло одѣваетъ тѣнь. Гулъ музыки несется
е задорнѣй, и грохотъ паровозовъ точно
снетъ въ немъ...

— Ишь какъ заяриваютъ,—съ улыбкой
висти говоритъ молодой круглолицый па-
нь...

— Поди-ка туда да и спляши имъ подѣ
зыку-то. Авось тебѣ дадутъ...

— Въ шею... доканчиваетъ бородачъ рѣчь
саго...

Нѣкоторые изъ толпы хохочутъ.

— Это самое ихъ веселье не нашего ха-
ктеру... не понимаемое, значить намъ,—
вая головой на выставку говоритъ рябой
коренастый рабочий.

— Намъ-бы вотъ ежели Миронъ кузницу
едставилъ, это бы очень нашему брату
іятно,—доканчиваетъ онъ.

— Могу! Въ ротъ те колъ съ сучками!
раздается изъ толпы, и этотъ веселый
згласъ сразу навѣваетъ на нее оживленіе...
ѣ сдвигаются около кривого, вихрастаго
жиченки, съ морщинистымъ лицомъ и съ
двой, кустикомъ, растительностью на шеѣ
дбородкѣ и щекахъ...

— Нука, Мироша, разыграй!—Поощря-
тъ его, улыбаясь и немножко заискивая
едъ нимъ. Онъ усѣлся на корточки въ
нтрѣ толпы, съ любопытствомъ окружив-
ей его сплошнымъ кольцомъ, взялъ въ
ку горсть песку, поднесъ кулакъ ко рту и
згливо крикнулъ.

— Кую! Бумъ!

Изъ его горсти вылетѣла струйка песку.

— Лумъ! Пш-ши! Бумъ! Трр...

Онъ дулъ въ свой кулакъ угломъ рта,
съ кулака вылеталъ въ видѣ искръ песокъ,
угой рукой онъ колотилъ себя по выпя-
тному животу. Раздавались гулкіе удары,
до его вздрагивало, глазъ сверкалъ, ноги
бивали по землѣ частую дробь. Онъ весь
драгался и подергивался, точно въ пляскѣ
итого Витта, и то басомъ кричалъ „Бумъ!

Охъ! то шипѣль, кривя лицо.

А изъ кулака во всѣ стороны летѣли струйки песку, и животъ звучалъ какъ барабанъ. Издали неслабъ мечтательная мелодія вальса. Легкіе, ласкающіе душу звуки плыли въ воздухѣ и таяли. Миронъ дѣлалъ такой удивительно разнообразный шумъ — онъ шипѣль, высвистывалъ, гулко ударялъ себя въ грудь и животъ — цѣлая какофонія самыхъ странныхъ звуковъ... Шипѣло желѣзо, погружаемое въ воду, искры трещали, падали глухіе удары молота... курился дымокъ... Потъ выступилъ на лбу артиста...

— Бумъ! Кую! Ш-ш-ш!.. Все!

— Вагоны подали!

Смѣясь, толпа рабочихъ, оживленная, съ пробужденной энергіей, пошла выгружать товары. Миронъ торжествовалъ, сверкая своимъ глазомъ...

Издали все плыли тихіе звуки мелодіи вальса.

Нѣкто X.